

ХОТЬ БУДЬ ТЫ ТРИЖДЫ ГЕНИЕМ...

К 130-ЛЕТИЮ САМУИЛА МАРШАКА
(1887-1964)

Известно, что Самуил Маршак в годы Великой Отечественной войны некоторое время жил у нас, в Алма-Ате, и тогда им были созданы, судя по датировке, его, может быть, самые глубокие и мудрые философские стихи.

А вообще с малых лет мы знаем Маршака как великолепного детского поэта с его многочисленными книжками, сопровождавшими нас в детсадовском и школьном возрасте. От «Деток в клетке» до «Мистера Твистера», от «Разноцветной книги» до «Были – небылицы», от «Круглого года», «Сказки о глупом мышонке», «Почты», «Вот какой рассеянный» до «Рассказа о неизвестном герое», от «Баллады о памятнике» до прекрасных переводов из Джанни Родари. Многие знают его как блистательного переводчика и «взрослой» поэзии – лирики Шекспира, Бёрнса, Гейне, Блейка, Петёфи, Байрона, Леси Украинки и даже аксакала казахской устной поэзии – Жамбыла.

Ещё он был одним из главных организаторов отечественного книгоиздания для детей, наставником писательской молодежи, незаурядным сатириком, драматургом, мемуаристом, автором блестящих статей по теории и истории литературы. Об этих сторонах деятельности Маршака и бездне обаяния, которым обладал в общении и дружбе этот человек, написано много.

Я хотел бы сегодня говорить о нем как о большом поэте-философе, по-своему – со светлой печалью, с грустным оптимизмом ответившим на старые, вечные вопросы бытия, неизбежно встающие перед каждым, если он дорос до ощущения себя человеком на этой Земле. О поэте-ребенке, который в свои семьдесят лет написал:

Неужели я тот же самый,
Что, в постель не ложась упрямо,
Слышал первый свой громкий смех
И не знал, что я меньше всех...

В конце стихотворения на этот вопрос дается невеселый, но всё-таки утвердительный ответ – да, тот же самый. Только теперь уже знающий, что он меньше всех. И это после долгой, богатой делами и популярностью жизни в положении мэтра литературы и деятеля, в зените официального признания и искренней, ничем не замутненной любви миллионов читателей? Полно, не притворство ли это? Его, мальчика из бедной еврейской семьи, заметил и «рукоположил» в поэты знаменитый критик Стасов, подростком он читал свои стихи Льву Толстому и Блоку, заслужил их одобрение, его поддерживали в юности и после Шаляпин и Горький, благодаря друзьям он поехал учиться в Англию, закончил там престижный Лондонский университет, пешком совершил путешествие по родине Шекспира и Бёрнса, что впоследствии помогло ему сделать непревзойденные переводы английской классики и фольклора. Когда в первые годы после Октябрьской революции он начал заниматься с детьми, организовав им классы, мастерские, кружки и в центре всего этого – детский театр, для которого он сам писал пьесы-сказки, – все это было благосклонно принято новой властью. И со вре-



менем Маршак стал тем, кем мы его хорошо знаем: талантливейшим писателем и организатором, собравшим вокруг себя всех одаренных людей и создавшим для своего отечества и его маленьких обитателей четко работавшее производство детской литературы и книг, какого до него в таком объеме и на таком высоком уровне не было. Кстати, подобного комплекса нет опять и сегодня, потому что такие подвижники на этой ниве, каким был Маршак, случаются раз в столетие, а может быть, и реже.

И после всего, что им было сделано, утверждать, что он «меньше всех»? Сохранив трепетную связь с первородством, подаренным в начале жизни, пройдя через нее рука об руку со своим alter ego – вечным ребенком для себя и для других, лирический герой Маршака имел право поделиться с читателем таким откровением:

Над прошлым, как над горною грядой,
Твое искусство высится вершиной.
А без гряды истории седой
Твое искусство – холмик муравьиный.

«Улыбка у него была скромная, иногда грустная, а может быть, даже чуть виноватая, – вспоминает один из его видных учеников и последователей. – А характер – активный и, пожалуй, ершистый». А по-другому быть не могло: иначе бы он не состоялся как художник, не реализовал таланты, с которыми пришел на свет, не совершил вместе с товарищами по цеху Дело, ставшее ему незыблемым памятником.

Жил он в сложнейшую эпоху, был сыном своего века, чуть было не угодил под жернова репрессий, делал порой неверные шаги, но в целом всегда следовал однажды избранному идеалу. И вернейшим средством самосовершенствования у него была работа: с утра он садился к письменному столу и на больших листах своим крупным красивым почерком запечатлевал на бумаге стихи и песни, веселые комедии и статьи, отвечал на письма своих многочис-



Самуил Маршак с детьми

ленных читателей и друзей. И далеко за полночь не гасла его лампа, горел свет в высоком окне. Быть может, в эти минуты рождались у него грустно-светлые строки, обращенные к ушедшим дорогим людям:

Здесь, на земле, вы прожили так мало,
Но в глубине открытых ваших глаз
Цвела земля и небо расцветало,
И звездный мир сиял в зрачках у вас.

За краткий миг страданий и усилий,
Тревог, печалей, радостей и дум
Вселенную вы сердцем отразили
И в музыку преобразили шум.

«И в музыку преобразили шум» – не в это ли главное предназначение человека, ради которого выталкивает его из тьмы на свет божий загадочное наше мироздание? Добавить свою лепту в гармонию сущего не так-то легко, надо всю жизнь делать себя, идти каменистой тропой к вершинам Духа. В противном случае к концу существования будешь представлять собой жалкую картину:

На склоне лет бесплоден он, как мул,
Плоть износил, хоть он ее и нежил.
Дух оскорбил, природу обманул
И прожил жизнь, как будто бы и не жил.



Писатель Самуил Маршак, художник Петр Кончаловский и актер Соломон Михоэлс. 1940 год

Стихи о смысле бытия, о подлинных и мнимых ценностях, о боли утрат и зыбкости приобретений, забвении себя ради торжества всеобщей гармонии, о смерти, наконец (кого из нас не касается эта трагическая мысль?), – основное содержание «взрослой» лирики Маршака.

И это на фоне его веселых и озорных сочинений для детей, где писатель с удовольствием смакует радости жизни: его азбука называется «Веселое путешествие от А до Я», стихи озаглавлены «Веселый час», «Веселый день», «Веселое купание», «Веселые чижи». Нет ли здесь противоречия? Было бы странно, если бы такой глубокий поэт, сохранивший тем не менее детскую

непосредственность восприятия мира, наедине с собой искусственно нагонял на себя веселость перед лицом бездны небытия, которая была с каждым днем все ближе. Он размышлял и вырабатывал иммунитет перед этим вечным вопросом и ответом хотел поделиться с рядом живущими и идущими следом, которым неизбежно придется задуматься о том же. В философской лирике Маршака сложной системой образов, сплетением тончайших ощущений и догадок он внушает себе и читателю сознание, что жизнь, как бы она ни была трудна, а порою нестерпимо печальна, все равно – высшее благо. И надо научиться радоваться каждому ее светлому мигу, в котором «слиты все земные страсти, как в белом цвете слиты все цвета».

– Намного мы твой век переживем, – Мне говорят за окнами деревья, – Нам этот сад – родной обжитый дом, А для тебя – привал среди кочевья.

Важно не то, кто сколько живет, а как он ощущает свою роль и место в мире, положение, как говорил Абай, кирпичика в ансамбле всеобщего здания, не соподчиненность, но равенство в архитектуре вселенной:

Человек – хоть будь он трижды гением, Остаётся мыслящим растением. С ним в родстве деревья и трава. Не стыдитесь этого родства.



Самуил Маршак и Карпис Суренян

Стихи Маршака позднего периода его жизни во многом перекликаются с мотивами другого выдающегося поэта-философа – Николая Заболоцкого. Кстати, они были не только знакомы, но и связаны личной дружбой.

В 20-е годы Маршак собрал под свое крыло поэтов и прозаиков, писавших для детей, среди них был и Заболоцкий. Когда его по чьему-то подлому навету арестовали в 1938 году, то перво-наперво пытая-

ли сведения о каком-то антисоветском заговоре, во главе которого якобы стоял Маршак. Заболоцкий решительно отmel эти измышления, стойко вынес пытки и отбыл свой срок в сталинских лагерях, заключительную его часть опять-таки у нас – в Карлаге. Оба поэта писали на темы бренности бытия, на темы смерти, но в отличие от Заболоцкого, которому свойственны пантеистические, идеалистические представления, Маршак призывает сотворить в отведенный человеку срок на земле как можно больше светлого и доброго, потому что иного бытия не будет.

Иное бытие есть. Это, как выразился современник Маршака Маяковский, «пароходы, строчки и другие долгие дела». И эти строчки сегодня с нами, хотя самого поэта уже много лет как нет на свете.

Георгий ОЛЕНИН



Самуил Маршак и Александр Твардовский

АННОТАЦИЯ

Балалар ақыны Самуил Маршактың 130-жылдық мерейтойына арналған мақалада әдебиеттанушы және эссеист Георгий Оленин ақын өмірінің көпке беймәлім тұстары мен балалар әдебиетіне қалам тербеуіндегі жолы жайында сөз қозғайды.